

УДК 343.2

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
«КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ»**

© 2019 г.

И.А. Киселева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

kiselevai3@rambler.ru

Поступила в редакцию 02.11.2018

Проанализированы основные позиции относительно существования института административной преюдиции в уголовном праве России. Рассмотрены тенденции развития административной преюдиции в современной России и соответствующие изменения Уголовного кодекса РФ. Сделан вывод о том, что в настоящее время есть необходимые предпосылки существования административной преюдиции в уголовном законодательстве, при условии теоретических разработок данного института и устранении рассогласованности норм уголовного и административного законодательства.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное законодательство, административное законодательство, преступление, уголовная ответственность, административное правонарушение.

Слово «преюдиция» латинского происхождения (praejudicium) состоит из сочетания двух слов: praе – впереди, вперед, перед, и judicialis – судебный, что позволяет ее толковать как новое юридическое решение, основанное на вступившем в силу предыдущем решении за тождественное деяние. Административная преюдиция не является абсолютно новым институтом уголовного права. А.Г. Безверхов указывает, что предтечей этому особому способу конструирования составов преступлений являлись законы дореволюционной России, и прежде всего Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.). Последнее вбирало в себя разноотраслевой нормативный материал, знало и руководствовалось идеей об усилении юридической ответственности за повторение тождественных правонарушений (в том числе межотраслевой рецидив неправомерных и преступных деликтов) [1, с. 46]. Как отмечает И.Н. Мосечкин, «к началу XX века отечественное законодательство уверенно использовало институт ужесточения наказания за неоднократность совершенных противоправных деяний. При этом сходным с административной преюдицией в уголовном праве по признакам является институт рецидива... Представляется, что административная преюдиция выросла из института рецидива и процесс этого роста начался с разделения противоправных деяний на преступления и проступки» [2, с. 53]. Но в том виде, как мы воспринимаем ее сейчас, административная преюдиция впервые появилась в отечественном уголовном праве в ст. 79 УК РСФСР 1922 г., что и следует считать первым источником, предусматривающим применение данного института.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. институт административной преюдиции сознательно не был использован. Хотя нельзя сказать, что полностью, т.к. сохранившийся признак неоднократности в основном составе преступлений, предусмотренных ст. 154, 180 УК РФ, сохранил ее завуалированно. Также ч. 3 ст. 74 УК РФ об отмене условного осуждения ставится в зависимость от привлечения к административной ответственности в течение срока условного осуждения. Новый виток развития преюдиция получила в 2009 году после рекомендации Д.А. Медведева увеличить в Уголовном кодексе РФ количество преступлений, сконструированных на основе повторности совершения административных правонарушений [3].

Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство России следует связывать с внесением изменений в ст. 178 УК РФ (Федеральный закон от 29.07.2009 г. № 216-ФЗ), где в отношении одного из способов совершения данного преступления – «злоупотребление доминирующим положением» указывался признак неоднократности совершения деяния («совершение более двух раз таких действий в течение трех лет, за которые лицо было привлечено к уголовной ответственности»), но в такой редакции норма просуществовала не так долго, т.к. Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 45-ФЗ административная преюдиция из ст. 178 УК РФ была исключена.

Продолжая развитие уголовного законодательства в этом направлении, в разное время в Уголовный кодекс РФ были введены нормы, содержащие административную преюдицию, в статьи 116¹, 151¹, 157, 158¹, 212¹, 215⁴, 264¹, 284¹, ч. 2 ст. 314¹ УК РФ. В общем, следует кон-

статировать, что произошло возрождение административной преюдиции.

Однако дискуссии о целесообразности ее применения ведутся и по сей день.

Причин, по которым предлагается исключение административной преюдиции из УК РФ, можно назвать несколько, мы постарались их обобщить. Но, в противовес обоснованиям необходимости исключения преюдиции из уголовного закона, предприняли попытку подобрать аргументы обратному – ее целесообразности.

1. «Наличие административной преюдиции в нормах уголовного закона противоречит конституционному принципу о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение (ст. 50 Конституции УК РФ)» [4, с. 71]. Дополняя это утверждение, Н.А. Лопашенко приводит следующий аргумент: «если первые административные правонарушения (каждое из них) причинили окончательный вред правоохраняемому объекту, немислимо снова его считать совокупно при совершении нового правонарушения, иначе мы нарушаем известный принцип *non bis in idem* (не дважды за одно и то же)» [5, с. 68].

Фактически повторного осуждения за предыдущее правонарушение не происходит, т.к. имеются два факта – нарушение нормы КоАП РФ, что образует административное правонарушение, за которое лицо понесло ответственность, и нормы УК РФ, что образует преступление. В последнем случае наказание назначается не за оба нарушения, а только за последнее, при этом признаки первого деяния не включаются в признаки объективной стороны состава преступления. «Они лежат за его пределами и составляют лишь обязательное условие (предпосылку) уголовной ответственности» [6, с. 35]. Для образования состава преступления требуется повторение деяния, содержащего все признаки административного правонарушения. В свою очередь, следует заметить, что составы с административной преюдицией носят межотраслевой характер, что требует согласованности норм уголовного и административного законодательства, дабы избежать проблем их применения.

2. Административные правонарушения свойством криминальной общественной опасности не обладают: «между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие» [7, с. 6], «юридическая природа административного правонарушения от его повторного совершения не меняется: оно остается административным проступком» [8, с. 12].

Говоря об общественной опасности как критерии разграничения преступления и правонарушения, Н.Ф. Кузнецова указывала на то, что

«количество неправомерных правонарушений не может перерасти в качество преступлений, как сто кошек не могут приобрести качества тигра» [9, с. 28]. В ответ на это А.З. Рыбак приводит свои арифметические доводы: «если исходить исключительно из объективной вредности деяния, то действительно, кража одного из ста поленьев и кража ста поленьев – явления различного характера. Однако будет ли разница между кражей ста поленьев сразу и ста кражами по одному поленью? Разница будет, но только в последнем случае, т.е. при ста кражах поленьев, мы будем иметь дело с достаточно опасным преступником. Все дело опять же в положительной обратной связи: безнаказанность рождает преступление» [10, с. 118], с чем, безусловно, нельзя не согласиться.

Аргумент, надо сказать, весьма спорный еще и потому, что периодический переход административных норм в уголовное законодательство и обратно свидетельствует об отсутствии четких критериев общественной опасности вообще. Действительно, определение общественной опасности довольно субъективный критерий, который устанавливается законодателем (например, чем обусловлен выбор крупного размера причиненного ущерба в результате хищения, почему он составляет 250 тысяч рублей, а не 200 или 300 тысяч рублей, почему побои – преступное деяние, а причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности – правонарушение, почему клевета – это преступление, а оскорбление – только административное правонарушение и т.д.).

Опять же к вопросу о соотношении понятий «общественная опасность» (признак преступления ч. 1 ст. 14 УК РФ) и «вредность» (признак административного правонарушения, хотя прямо из определения это не вытекает – ст. 2.1 КоАП РФ) – классическое определение общественной опасности дается через вредность (пусть хоть и существенную), – общественная опасность «...заключается в способности предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред (выделено нами. – И.К.) охраняемым уголовным законом объектам (интересам)» [11, с. 120]. Т.е. общественная опасность = вредность. Разница только лишь в характере или степени этого вреда, что как раз и позволяет разграничивать преступление и правонарушение. Как известно, характер и степень опасности деяния определяются признаками элементов состава преступления (вина, мотив, цель, способ, размер причиненного вреда или ущерба и т.д.).

По справедливому замечанию А.З. Рыбака, «с позиции ортодоксальной классики личность человека выглядит как нечто застывшее, кон-

станта. Поэтому корифеи классицизма основное внимание уделяли вредности деяния» [10, с. 119]. Но сегодня не приходится сомневаться в том, что может возрастать и опасность личности, вызывая необходимость применения более строгих мер правового воздействия.

По нашему мнению, сущность преюдиции следует обосновывать не через признак общественной опасности самого деяния (который действительно не меняется в зависимости от количества), а через признак, повышающий опасность виновного лица. «Законодатель ограничивает, сужает сферу действий этих статей лишь определенным кругом лиц, которые, помимо вменяемости и определенного возраста ответственности (признак общего субъекта), имеют и дополнительный признак – наличие административного взыскания(ий), которое(ые) и характеризуют лицо как специального субъекта» [12, с. 63]. Внося изменения в ст. 264 УК РФ, законодатель ни в коем случае не помешало в качестве квалифицирующего признака указать состояние опьянения виновного, именно как признак, характеризующий его личность, а не опасность самого преступления, на что обращает внимание Постановление Пленума Верховного Суда РФ [13].

Учеными [14, с. 17] отмечается тот факт, что на формирование личности правонарушителя оказывает влияние фактор систематичности совершения им асоциальных поступков. «В криминологическом аспекте важно, что такое поведение, в конечном счете, как правило, приводит к серьезным качественным изменениям свойств конкретной личности, обуславливая ее будущее преступное поведение. Составы определенной группы административных правонарушений являются детерминантами преступного поведения и способствуют развитию преступности» [15, с. 27].

Интересными представляются выводы, сделанные А.А. Юнусовым и Т.В. Серковой на основе изучения уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей и следователей органов внутренних дел УМВД России по Ярославской области, в том числе особенностей поведения лиц, совершивших общественно опасные деяния (исследование проведено до введения ст. 158¹ в УК РФ). «Из 81 лица, привлекавшегося по данным делам к уголовной ответственности, 32 подозреваемых (обвиняемых) до привлечения к уголовной ответственности имели не одно привлечение к административной ответственности за тождественное деяние. «Львиная доля» таких преступников – это лица, ранее совершавшие административные правонарушения и привлеченные к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП

РФ «Мелкое хищение». По данным информационного центра УМВД Ярославской области, иногда этих правонарушений у преступника насчитывается более пяти». Этими же авторами указывается на то, что злоумышленники осведомлены о законодательстве и понимают, что за мелкое хищение, в частности кражу, сколько бы раз они ее ни совершили, несут только административную ответственность. «Такие хищения «мелкие воришки» совершают довольно часто, чем и причиняют, в конце концов, ощутимый ущерб частным лицам, организациям, государству. Это указывает на растущую общественную опасность правонарушителей и свидетельствует об уголовно-правовой общественной опасности» [16, с. 279–280]. Представляется, что ситуация аналогична и в случаях совершения других деяний, а не только хищений. Зная, что ответственность только административная, можно совершать деяние бесконечное количество раз, наказание строже не становится, да и судимости не появляется. Административное и уголовное право, имея единую материальную основу, представляют из себя близкие отрасли, поэтому правонарушение и преступление во многих случаях имеют схожие признаки, что позволяет переводить преступление в правонарушение, а правонарушение в преступление.

3. «Поскольку условная «совокупность» административных правонарушений, образующая преступление с административной преюдицией, не обладает содержательным единством, ее законодательная оценка как единичного преступления представляется необоснованной. Ключевым критерием единства преступного деяния, положенным в основу конструирования состава единичного преступления, должна являться именно внутренняя взаимосвязь его элементов, которая в преступлениях с административной преюдицией отсутствует» [17, с. 102].

Несомненно, что внутренняя связь между двумя или более административными правонарушениями имеет место быть – это (как и при рецидиве) одно и то же лицо, вот что связывает их. Верно подчеркивает М.И. Харлова, «деяние является основанием юридической ответственности (административной или уголовной), но ответственность несет конкретная личность, признаки которой должны учитываться как при дифференциации, так и при индивидуализации ответственности» [18, с. 139].

Административная преюдиция – это один из способов юридической техники, используя который законодатель конструирует состав преступления. В классификации составов «по способу описания признаков преступления в законе» – это новая разновидность сложного состава

преступления: состав преступления с наличием административной преюдиции. Ведь в этой классификации сложным признается тот состав, хотя бы один из элементов (или признак элемента) которого «осложняется». В данном случае «осложняется» субъект состава преступления – лицо, которое привлечено к административной ответственности (подвергнуто административному наказанию) за аналогичное деяние.

4. Введение института мировых судей отменило возможность применения норм уголовного закона «несудебными органами», на что обратила внимание сама «противница» административной преюдиции Н.Ф. Кузнецова [7, с. 6]. Что теперь уже выглядит не как предупреждение работником полиции (или представителем другого органа), а как приговор. «Но при этом чрезвычайно важно, что при назначении административного наказания лицо должно быть предупреждено о возможности наступления уголовной ответственности в случае совершения аналогичного правонарушения в течение определенного законом срока» [15, с. 15]. С этой точки зрения уголовно-правовое воздействие должно рассматриваться в единстве с мерами административно-правового воздействия на правонарушителя. Так, претерпевая административное наказание, лицо, совершившее деяние и привлеченное к административной ответственности, уведомляется о том, что в случае повторного совершения аналогичного деяния будет привлечено к уголовной ответственности, что заставляет его, оставаясь свободным в выборе своего поведения, пытаться вести законопослушный образ жизни. Ну, а если «первый урок не пошел впрок» – адекватной мерой реагирования на такое его поведение будет именно УК РФ.

5. В законодательстве зарубежных стран административная преюдиция отсутствует [19].

В англо-американском понимании – преюдиция – эффект предыдущего судебного решения, который установлен законодателем и прецедентом, чем и обусловлено отсутствие данного юридического явления в этой правовой системе. Из кодексов ближнего зарубежья выделяется УК Беларуси, который сохранил нормы как с административной, так и дисциплинарной преюдицией. В Уголовном кодексе Республики Казахстан содержатся составы с административной преюдицией (ст. 140 УК РК – злостное уклонение от содержания нетрудоспособного супруга (супруги); ст. 150-1 УК РК – воспрепятствование законной деятельности представителей работников; ст. 198 УК РК – заведомо ложная реклама; ст. 302 УК РК – нарушение действующих на транспорте правил; ст. 330-1 УК РК – невыполнение решения о выдворении). УК

Испании имеет данный институт в своем уголовном праве – статья 314 УК Испании предусматривает наказание для того, кто осуществит серьезную дискриминацию работника по мотивам идеологии, религии, убеждений, этнической, расовой или национальной принадлежности, пола, сексуальной ориентации, семейного положения, болезни или инвалидности и т.д. и не восстановит положения равенства по требованию *или после административной санкции*.

Остальные страны Западной и Центральной Европы, страны Прибалтики не имеют административной преюдиции в своих уголовных кодексах, и связано это с тем, что в этих странах нет выделения административного законодательства в самостоятельную отрасль права, все деяния рассматриваются как преступные. А там где выделяется сфера административных нарушений, ее охватывает лишь сфера управления «власть – подчинение». Остальная сфера образует собой уголовную материю, составляет часть уголовно наказуемых деяний, например это Франция и Германия. «У них существует проступок и преступление. В этих странах идет четкое разделение административной и уголовной ответственности. Критерия разделения по степени общественной опасности не существует. Административные правонарушения посягают только на административную деятельность в той или иной отрасли» [16, с. 280]. Этим можно объяснить отсутствие административной преюдиции в зарубежных странах и подчеркнуть ее необходимость в российском законодательстве.

6. Лицо, виновное в совершении административных правонарушений, в случае их второго (третьего) повторения подвержено объективному вменению, запрещенному самим же уголовным законом... поскольку установить связь всех трех фактов административных правонарушений – единый умысел субъекта на все правонарушения сразу – априори невозможно [5, с. 70–71].

Как раз наличие единого умысла на все деяния и не требуется, иначе образуется единое (единичное) деяние, отсутствие единого умысла на совершение сразу нескольких актов неправомерного поведения отличает состав с административной преюдицией от продолжаемого преступления. Если следовать такой логике рассуждений, тогда и разновидность юридической ошибки – заблуждение лица относительно неправомерности своего деяния – также случай объективного вменения. Но в этом случае уголовное право однозначно говорит: «незнание закона не освобождает от ответственности», и наука не видит в этом объективного вменения.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо сказать, что не все существующие проблемы уголовной политики можно решить только путем исключения уголовной ответственности, поскольку определенные общественные отношения требуют, с одной стороны, уголовно-правовой регламентации, а с другой – применения адекватных мер уголовного воздействия. Мы не поддерживаем декриминализацию составов преступлений, поскольку полная замена уголовной ответственности административной не обеспечивает предупреждение новых преступлений и защиту прав и законных интересов потерпевших, что фактически произошло в сфере охраны прав потребителей. Можно сказать, что нарушен механизм охраны прав потребителей, а взамен ничего нового не создано. Нами ранее предлагалось сохранить уголовную ответственность за обман потребителя, сконструировав состав с административной преюдицией [20, с. 185], а не отказаться полностью от уголовной ответственности за указанное деяние.

После введения в УК РФ ст. 158¹ такой способ конструирования составов преступлений (путем включения административной преюдиции) является не только способом декриминализации деяния (как в остальных случаях), чем была вызвана необходимость ее «реабилитации», но и способом криминализации – введение уголовной ответственности за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию.

Административная преюдиция способна стать достаточно эффективным инструментом уголовной политики (средством как криминализации, так и декриминализации), но лишь при условии закрепления данного института в целостном и непротиворечивом виде.

Единая материальная основа уголовного и административного права указывает на общность социально-правовой природы преступления и административного правонарушения, а значит, позволяет переводить административное правонарушение к преступлению и обратно. При этом административная преюдиция дает возможность дифференцировать межотраслевую ответственность, учитывая наряду с иными показателями общественной опасности и личность виновного, но и требует согласованности норм уголовного и административного законодательства, дабы избежать проблем их применения.

Административная преюдиция в уголовном законодательстве позволит исключить излишнюю криминализацию деяний, создаст возможность предупреждения совершения преступлений посредством привлечения к административной ответственности. Позволит четко раз-

граничивать уголовную и административную ответственность.

Список литературы

1. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 39–52.
2. Мосечкин И.Н. Административная преюдиция в уголовном праве России: некоторые вопросы зарождения и развития // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 50–54.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 года // Российская газета. 2009. 13 ноября.
4. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–79.
5. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. 7. С. 64–71.
6. Ляпунов Ю. Ответственность за злостное нарушение правил административного надзора // Социалистическая законность. 1985. № 1. С. 32–37.
7. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному Кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2003. № 1. С. 5–9.
8. Якубов А.Е. Декриминализация и обратная сила уголовного закона // Вестник МГУ. 1997. № 11. С. 11–14.
9. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вести Московского ун-та. Серия 11. Право. 1993. № 4. С. 11–19.
10. Рыбак А.З. Административная преюдиция в уголовном праве // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 2. С. 116–121.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2007. 496 с.
12. Устименко В.В. Специальный субъект преступления (понятие, виды, некоторые вопросы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1983. 172 с.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». URL: <http://www.rg.ru/2008/12/26/pdd-dok.html> (дата обращения: 26.10.2018).
14. Абызов Р.М. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. Ташкент, 1983. 72 с.
15. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: Дис... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 208 с.
16. Юнусов А.А., Серкова Т.В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 278–282.
17. Мамхьягов З.З. Об административной преюдиции в уголовном законодательстве // Общество и право. 2016. № 1 (55) С. 100–102.

18. Харлова М.И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 136–143.

19. Хавронюк Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения уголовно-

го права европейских стран. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280 (дата обращения: 28.10.2108).

20. Киселева И.А. Мошенничество на потребительском рынке: теоретико-правовое исследование: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 225 с.

ADMINISTRATIVE PREJUDGEMENT IN CRIMINAL LAW

I.A. Kiseleva

The article analyzes the key points regarding the existence of the institution of administrative prejudgement in the criminal law of Russia. The author reviews the trends in the development of administrative prejudgement in modern Russia and the corresponding changes in the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that at present there are necessary prerequisites for the existence of administrative prejudgement in criminal legislation, provided that an adequate theoretical foundation is furnished for this institution and the mismatch between criminal and administrative legislation is eliminated.

Keywords: administrative prejudgement, criminal law, administrative law, crime, criminal liability, administrative offense.

References

1. Bezverhov A.G. Administrativnaya preyudicial'nost' v уголовном zakonodatel'stve Rossii // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Pravo». 2011. № 2 (10). S. 39–52.
2. Mosechkin I.N. Administrativnaya preyudiciya v уголовном prave Rossii: nekotorye voprosy zarozhdeniya i razvitiya // Nauka bez granic. 2017. № 5 (10). S. 50–54.
3. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu ot 12 noyabrya 2009 goda // Rossijskaya gazeta. 2009. 13 noyabrya.
4. Yamasheva E.V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoj preyudicii v уголовном zakone Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 10. S. 69–79.
5. Lopashenko N.A. Administrativnoj preyudicii v уголовном prave – net! // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2011. № 3. 7. S. 64–71.
6. Lyapunov Yu. Otvetstvennost' za zlostnoe narushenie pravil administrativnogo nadzora // Socialisticheskaya zakonnost'. 1985. № 1. S. 32–37.
7. Kuznecova N.F. Sem' let Ugolovnomu Kodeksu Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2003. № 1. S. 5–9.
8. Yakubov A.E. Dekriminalizaciya i obratnaya sila уголовного zakona // Vestnik MGU. 1997. № 11. S. 11–14.
9. Kuznecova N.F. Kodifikaciya norm o hozyajstvennyh prestupleniyah // Vesti Moskovskogo un-ta. Seriya 11. Pravo. 1993. № 4. S. 11–19.
10. Rybak A.Z. Administrativnaya preyudiciya v уголовном prave // Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk. 2015. № 2. S. 116–121.
11. Naumov A.V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Kurs lekcij: v 3 t. T. 1. Obshchaya chast'. M.: Volters Kluver, 2007. 496 s.
12. Ustimenko V.V. Special'nyj sub"ekt prestupleniya (ponyatie, vidy, nekotorye voprosy kvalifikacii): Dis. ... kand. jurid. nauk. Har'kov, 1983. 172 s.
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 9 dekabrya 2008 g. «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ehkspluatacii transportnyh sredstv, a takzhe s ih nepravomernym zavladeniem bez celi hishcheniya». URL: <http://www.rg.ru/2008/12/26/pdd-dok.html> (data obrashcheniya: 26.10.2018).
14. Abyzov R.M. Prognozirovaniye i preduprezhdeniye individual'nogo prestupnogo povedeniya. Tashkent, 1983. 72 s.
15. Frizen P.D. Administrativno-pravovoe preduprezhdeniye ot del'nyh vidov prestuplenij: Dis... kand. jurid. nauk. Barnaul, 2004. 208 s.
16. Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrativnaya preyudiciya v rossijskom уголовном prave // Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava. 2015. № 1. S. 278–282.
17. Mamhyagov Z.Z. Ob administrativnoj preyudicii v уголовном zakonodatel'stve // Obshchestvo i pravo. 2016. № 1 (55) S. 100–102.
18. Harlova M.I. Osobennosti sostava prestupleniya s administrativnoj preyudiciej // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 8 (69). S. 136–143.
19. Havronyuk N.I. Administrativnaya preyudiciya i institut recidiva s tochki zreniya уголовного prava evropejskih stran. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280 (data obrashcheniya: 28.10.2108).
20. Kiseleva I.A. Moshennichestvo na potrebitel'skom rynke: teoretiko-pravovoe issledovanie: Dis... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2011. 225 s.